

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Петя и Крестовоздвиженский

В дверь позвонили, Никифор глянул в сторону и сказал:

– Это Петя, жутко перепуган.

– Не может быть! – воскликнул Соломон.

– Отведи его на кухню, – скомандовал Дионисий и удалился через молитвенную комнату.

Никифор вышел в прихожую и закрыл за собой дверь. Соломон остался один и сильно разволновался. Ему вдруг показалось, что все подстроено и он в ловушке. Что Дионисий им вертит, и все это происки джиннов.

Из аквариума высунулась рыба и сказала:

– Да не переживай ты так, мы все сейчас в ловушке, возможно, вместе и выберемся.

Спохватившись, Соломон подошел к двери молитвенной комнаты и заглянул. На восточной стене мерцали в свете лампад серебряные оклады икон, а вот в западной стене была дверь, и вела она на кухню. Вдруг Соломона посетила мысль, что если он подслушает разговор с Петей, то, возможно, выяснит, не является ли он пешкой в игре джиннов и Крестовоздвиженского. Благо засечь его не смогут – в молитвенную ни один джинн не сунется. Он быстро сделал три шага и приник к кухонной двери.

Увидев приветливо улыбающееся лицо Дионисия, Петя чуть не расплакался и пролепетал:

* Продолжение. Начало в кн. 64-68.

– Изгоните беса!

– Какого беса? Откуда? – приглашая гостя в дом, спросил Дионисий.

Никифор вздохнул и убрался на кухню.

– Из меня, – зашептал Петя, – это все лампы, и Соломон, и грачи инопланетные. Я вам все расскажу! И не подумайте, что я сумасшедший. Но если вы не поверите – точно с ума сойду. Мне ведь идти больше не к кому, никто не поверит...

Мягко подталкивая Петю под локоть, Дионисий вытеснил гостя на кухню, усадил за стол и выдал чашку чая, бутерброд с ветчиной, потом, секунду подумав, достал стаканчик и налил на четверть коньяка.

Петя глянул на коньяк и выпил залпом.

Подождав, пока гость закусит и немножко придет в себя, Дионисий сказал:

– Рассказывайте.

Убедившись, что его не считают сумасшедшим, а только сильно взволнованным, Петя вдруг задумался, как бы ему точнее все объяснить. Он обвел глазами кухню.

Это была мужская кухня, сводчатым потолком напоминающая подвал алхимика. Не было здесь веселых клееночек, ярких полотенец и кастрюлек в цветочек. Давно не беленая, изрядно закопченная кухня устрасала черными боками котлов и сковородок. С потолка свисал окорок и гирлянды лука и чеснока. В углу в русской печи тлели угли. На стене рядом с печью висела целая выставка огромных ножей, двузубых вилок, взбивалок и колотушек. Даже поварешка здесь выглядела как грозное оружие. И вполне новый холодильник сурово мерцал темно-серыми боками на чисто вымытых каменных плитах пола.

Неизвестно что: коньяк, запах дыма и еды или участливое лицо Дионисия сработали, но Петя успокоился и начал рассказывать.

– Дело было так. Остался я на бобах – закрыли мою фирму, где я был энергетиком. Сами понимаете, заводов у нас больше нет, инженеры, как и прочие технические работники, в сухом остатке, а седьмой километр не резиновый. Да и сколько можно работать на седьмом? Самые живучие больше семи лет не выдерживают. А я не самый живучий.

Дионисий скептически улыбнулся.

– Это я к тому, что пытался на седьмом работать – не взяли. Просто не сложилось. Какое-то время на разведении рыбы держался кое-как – но это несерьезно. На большое хозяйство денег нет, а на комнатном не разжиреешь. Опять же Галина. Сколько лет ей можно голову морочить? Или женись, или отпусти девушку. А как жениться, когда денег нет?

Вдруг объявление. Чувал я, что здесь что-то неладно, а где сейчас ладно? И как-то оно само сложилось, я и охнуть не успел. Думал, подработаю немножко, долги отдам, подсоберу на рыбное хозяйство и сбегу – не успел. Такие чудеса начались – кошмар!

Про двери, которые то есть, то нет, вы сами знаете. А то остался я в подвале ночевать, а там буфет в птицу превратился и бутылочками с маслами несется, пронумерованными. И не расскажешь никому, будут говорить, что приснилось, или белочка. Опять же грачи – всюду за мной следят, а крыльями махать забывают – так и летают, как самолеты. Чего им от меня надо – понятия не имею. На нервы действует, думал, с ума схожу, – нет, Галина их тоже видела. Не знаю, но вроде семейных глюков не бывает.

А сегодня такое случилось, что всё – или к вам идти, или в петлю лезть. Пошел я сегодня по делам – жара кошмарная, устал и зашел в кафе кофе попить. И заодно от грачей уйти – надоели до смерти, но в помещение они не залетают. Тут мне девицы попались. Или я им.

И Петя в подробностях стал рассказывать свои приключения. Выслушав все, Дионисий задумался. В кухню зашел Никифор, ухватом он ловко вытащил из печи чугунный горшок, метнувшись к дубовому буфету, достал глубокие тарелки и блюдо. Потом вывернул на блюдо дымящееся баранье жаркое с чесноком и стал раскладывать по тарелкам. Из недр того же бездонного буфета он извлек миску маринованных помидор и, раздав ложки, предложил:

– Угощайтесь!

Дионисий иронически поднял бровь, но от угощения отказываться не стал.

– Да... Дела у вас плохи, кое-что я уже могу вам объяснить, а кое-что придется выяснять в другом месте. Для начала я вам скажу, что никакие это не инопланетяне. Те, кто вас так напу-

гал, всегда жили на земле, и даже раньше, чем появились люди. На Востоке их называют джиннами, а у нас бесами. Что касается фирмы, то организовали ее люди, которые ничем не брезгают, и вы еще легко отделались. Ваш предшественник погиб в автокатастрофе. Он был человек наивный и задавал вопросы, а получив ответ, не успокаивался.

– Во-во, я так и думал, что это Соломон. Очень подозрительный тип – весь вроде мягкий, интеллигентный, а сам наркотой торгует.

– Вот здесь вы ошибаетесь. Никакой наркотой ваша фирма не торгует. Все много сложнее. Вы когда-нибудь зажигали лампу?

– Нет! Зачем? Это очень дорого и стремно. Сейчас такие наркотики выпускают – привыкание с первой затяжки. А учет у них такой – я один раз опоздал, а Соломон уже учуял. Видеонаблюдение у них, или пес их знает. И масло развешено до капли буфетом этим птичьим.

– Так вот за те полчаса, что горит лампа, человек попадает в искусственную реальность, которую для него строят джинны на заказ. Она небольшая, но в ней даже погибнуть можно вполне по-настоящему. Ну, народ в эту реальность развлекаться лезет, а гибнет вовсе не там, а на дому, где лампу зажжет.

– А в чем подвох?

– Все просто. Человек привыкает жить на готовом, а если что строит или кого-то любит, то не здесь. Постепенно он вообще начинает тот мир считать реальнее, чем этот. Раньше он бы усилия прилагал, чтобы сделать этот мир лучше, а теперь сбегает. И что самое противное – ловятся самые сильные, энергичные и трезво-мыслящие, которых наркотой не собьешь.

– Вот паскудство! И у Соломона еще и совесть чиста!

– Зря вы так к Соломону относитесь, – вклинился Никифор. – Вполне нормальный мужик, сам попал в переpleт от безвыходности. Не он эту фирму открыл – он всего лишь коммерческий директор.

Соломон под дверью приуныл.

– Да пес с ним, с Соломоном! – продолжал Петя. – Мне-то что делать, если во мне бес поселился? Сами понимаете, особой возможностью я никогда не отличался. Старался жить по совести –

вот и все благочестие. Так что делать, я не знаю. Этот, что во мне сидит, вроде мне вреда не причинял, я и не знал о нем. Хотя как про Галину подумаю... – и Петя вдруг густо покраснел. – А про этих девиц, что Галке бабули расскажут, – страшно подумать! Она же плакать будет и уйти может – она нежная, у нее комплексы, – и Петя горестно вздохнул. – Опять же грачи эти!

– Ох, Петя, все гораздо хуже, чем вы думаете, – вздохнул Дионисий. – Изгнать из вас сиятельного Меджида – дело пустяковое. Он джинн интеллигентный – его достаточно вежливо попросить. Но тут как раз все неприятности только и начнутся. На него идет охота, причем ловят его как сторонники, так и противники. И как только он покажется – тут вас и прихлопнут. Не те, так эти. Джинн ваш – царственная особа, сбежал, чтобы предотвратить дворцовый переворот. А дворцовый переворот ох как не нужен именно людям. Но и это не все. Те, кто хочет сместить султана Джиннистана, хотят спровоцировать конец света – вам это нужно?

– А что же делать? Что, теперь меня всю дорогу невесть кто хватать и гипнотизировать будет? Я человек или проходной двор? И Галина? Как ей со мной жить?

– Но это еще не все неприятности.

– Как не все? А что, этих мало?

– Дело в том, что скоро ваша фирма закроется, а всех людей, что связаны с ней, убьют, – вклинился Никифор.

– Как убьют?

– Скорее всего, скормят гулям. За вами уже присылали гуля. Ваш сотрудник, что лампы развозит, его отговорил.

– Ни фига себе!

– И Соломону поручали разработать план, как тебя убить. Хорошо, что Соломон – человек порядочный, – Никифор двусмысленно улыбнулся, – взять грех на душу не захотел и придумал план со многими лазейками. И тебя, и себя спас – его тоже хотели того...

– Кто б мог подумать! А на вид сволочь сволочью, – вздохнул Петя. – А на фига такое процветающее дело закрывать?

– Дело в том, что в связи с неудавшимся переворотом служба безопасности Джиннистана решила навести порядок на границах и отловить всех неблагонадежных и бродячих джиннов. Для этого в наших катакомбах монтируется ловушка – типа ду-

дочки Гамельнского крысолова, только для нас. И Меджид, и все мы вполне в нее попадем. А так как получается, что Меджида укрывала фирма «Иблис», то дальше уже можно не объяснять. Кстати, грачи, которые так вас достают, именно от этой службы.

– Вот гадство! – с чувством сказал Петя. – А что же делать?

И тут уже Никифор тяжело и вполне искренне вздохнул.

– Мы и сами не очень понимаем, что делать.

– А вы тут при чем? – вдруг спохватился Петя.

– А при том, что я и сам – тот самый неблагонадежный и бродячий джинн, на которого ставят ловушку.

– А... а?.. – мысли в голове у Пети разом смешались, и слова встали в горле комом.

– Да вы, Петя, его не бойтесь, – вмешался Дионисий, – я его откуда не надо выселил. А так как за ним грешков по джиннскому закону не меряно, вот он и живет у меня, никого не трогает. Кто его будет искать у священника? А я за ним присматриваю, чтоб не шалил.

– А, ну ладно – он меня напугал и разозлил в прошлый раз, а так понятно, – довольно невразумительно пояснил Петя. – Но я думаю, что какие-то мысли у вас есть, коль скоро вы мне про все это рассказываете. Я ведь человек посторонний.

– Есть, – сказал Дионисий, – не так что делать, как с кем посоветоваться. У нас здесь на Куяльницком лимане живет один очень старый и странный джинн. Жил он еще при дворе царя Соломона и отличался умом и хитростью. Ему, знаете, тоже мало радости в ловушку попасть. Кто его знает, почему он на старости лет тут поселился. Идти к нему надо людям, на джиннов он и смотреть не хочет. Вот бы вы и сходили вместе с Соломоном. Может, он что подскажет. Если не от ловушки спастись, то хоть куда Меджида пристроить, чтобы самому не пропасть. Он Меджида еще ребенком знал.

– Соломон со мной не пойдет. Зачем ему? И один я не пойду! – взвился Петя. – Съедят меня и кости в лимане утопят. И мне Соломон зачем?

– Соломон с тобой очень даже с дорогой душой пойдет, – вмешался Никифор. – В случае чего с него первого голову снимут. За тебя при хорошем раскладе Меджид вступится, а за него некому. Кстати, он перед твоим приходом в точно таком же перепуге к нам

прибежал. И тоже не верит, что ты с ним пойдешь. Риска вам пока особого нет. Захочет Асаф с вами говорить – он вам вреда не причинит. Не захочет – вы и не узнаете, что он вас видел, он вам не покажется. А вот за предупреждение о ловушке он вам будет весьма благодарен. Подлости и коварства в нем хоть отбавляй, но вежливость соблюдает и в неблагодарности не замечен, – добавил Никифор. – Так что, Соломон у нас в мастерской сидит – могу позвать.

При этих словах Соломон отпрыгнул от двери, как кенгуру, и, зная скорость Никифора, шагнул к камину. И точно, в комнате возник Никифор и пригласил его на кухню.

Асаф

Раздолбанная, когда-то асфальтированная дорога шла по самому берегу лимана. Иногда соленая мертвая вода пыталась лизнуть грязь на ее обочине. Местами лиман отходил метров на двадцать, давая место огороδικам и чахлым деревьям. Слева вдоль дороги попадались отдельные домики, разные по возрасту и причудливые в своей убогости. За домиками уступами возвышался глинистый склон. В него цеплялись корнями заросли чумака и дикой маслины. Зеленели островки камыша там, где из склона вытекали пресные источники.

– Нет, я бы тут жить не захотел, – задумчиво сказал Соломон.

– Не хочешь – не живи, – буркнул Петя, пытаясь обойти очередную лужу.

Их стал медленно обгонять молодой человек с велосипедом. На велосипеде как бы сам по себе ехал мешок с травой, а молодой человек помогал ему объезжать лужи.

– Добрый день, – поздоровался Петя для начала разговора. – Не подскажете, где здесь номер тридцать пять?

Молодой человек остановился, окидывая улицу мысленным взором, задумался.

– Номера тридцать пять тут нет, – резюмировал он. – Тридцать четыре есть, потом пустырь. Там наверху на склоне развалины. Потом опять ничего, один камень. Потом тридцать семь, и в тридцать восьмом я живу.

И, видя недоверие в глазах Пети, добавил:

– Идемте, я вам покажу.

И действительно, после тридцать четвертого номера, который, не смотря на свою ветхость, глядел на лиман металлопластиковыми окнами, никаких строений не было. Вверх по склону вели несколько каменных ступеней, теряясь в траве и зарослях куриной слепоты. Еще выше виднелись какие-то развалины. Кое-где сохранились стены и части перекрытия старого дома. Все остановились возле ступеней.

– Тут давно никто не живет. Говорят, место плохое. Там подвалы старые. Как-то мужик один упал, ногу сломал, и его еле вытащили, – пояснял добровольный гид.

Из развалин показался желтый пес средних размеров с белыми лапками и висячими ушами. Он твякнул, завилял бубликом хвоста и стал спускаться вниз.

– А вот Матрос тут живет, давно живет, – стал приговаривать молодой человек, глядя собаку по голове.

– И чей это милый песик? – спросил Соломон, поймав на себе заинтересованный взгляд собаки.

– Да ничей. Он тут общий. Его все кормят. Он бегают по всему Куяльнику, а живет здесь. У нас здесь стаи собак бегают, так он с ними не дружит. Сам по себе. Правда, Матрос?

Матрос закивал головой.

– Умная собака, – подтвердил Петя. – А тридцать пятого номера действительно нет, что-то мы перепутали.

Велосипед с водителем и травой отправились дальше, а Соломон с Петей остались рассматривать апартаменты Матроса. Пес поднялся по ступеням и пропал в зарослях рогоза. Потом высунул моду и посмотрел на людей.

– Нас приглашают, попрошу вас, директор, – сказал Петя и сделал приглашающий жест. – Хотя лучше я первый, – и пошел вверх по ступенькам.

Продравшись через кусты, путешественники оказались среди развалин старого дома. Полы давно сгнили. Часть стен рухнула, подточенная дождями и корнями чумаков, росших из всех щелей. Петя оглянулся в привычных поисках следов человеческой жизни и не нашел их. Все камни, упавшие со стен, лежали тут же, поросшие мхом и влажной слизью. Между ними пробивались ростки

камыша. Под перистыми зелеными листьями чумака было влажно, тепло и тихо, как в оранжерее. Где-то что-то жужжало.

Матрос сидел в углу, образованном полуразрушенными стенами возле черного проема в подzemелье.

– И это мы теперь в этот погреб полезем? – спросил Петя. – Чтоб на нас стена рухнула? Хорошая получится могила.

– Ну давай хоть туда заглянем. У тебя зажигалка есть?

– У меня мобилка светит.

Пес исчез в черном проеме, потом высунул голову, поглядел на гостей и опять скрылся. «Если пес туда-сюда лазит, значит, там неглубоко», – решил Петя и, подойдя к проему, наклонился над ним. Действительно, упавшие камни образовали кучу, по которой не составило труда спуститься в этот бывший подпол дома.

Под ногами хлюпало, мобильник слабо освещал мокрые почерневшие стены, по которым стекали капли воды, образуя наплывы и разводы. Воняло плесенью, какой-то неизвестной гадостью и почему-то корицей.

В голове у Пети возник навязчивый мотивчик, из которого начали выплывать стихи. Петю это удивило, стихов он сроду не писал и терпеть их не мог.

В подzemелье огонь горит,
На огне том котел стоит,
Светлое золото, славное золото
В черном котле лежит.
Золото варит крысолов,
Долго греет, не жалея дров,
Яркое золото, жаркое золото
Скоро зашипит.
Заклинанье творит крысолов,
Выплетает вензеля из слов.
Сладкое золото, страшное золото
Скоро забурлит.
А как золото закипит,
Каждый к золоту побежит,
То-то славный будет улов,
Станет крысой и сам крысолов.

– Ну нас на хрен, мы свой гражданский долг выполнили. Полезли обратно, пока нас здесь не завалило! – сказал с энтузиазмом Петя. Он стал взбираться по завалу наверх. Когда его голова показалась на свет, Соломон закричал:

– Петя, слазь скорее, посмотри, что там!

Петя нехотя стал спускаться опять в подвал. В конце узкого местами обрушившегося подвала был виден свет. Причем освещенная часть находилась метрах в пятидесяти от входа.

Медленно ощупывая неровный пол ногами, путешественники двинулись к светлой части подвала. И чем ближе они подходили, тем удивительнее она выглядела.

Петя остановился возле проема, не решаясь сделать еще шаг. Дальше весь пол покрывал персидский ковер с невообразимо сложным рисунком. Петя не разбирался в коврах, но решил, что такой ковер может быть только персидским. Такие же ковры висели и на стенах помещения, которое было образовано из стен подвала и тупика, которым подвал кончался. Потолок был гладенький и неестественно белый. У торцовой стены стоял широкий диван с подушками, покрытый красным ковром, справа возвышался большой открытый камин, а слева два кресла. Кресла были старинные, с высокими спинками и подголовниками. Все это ярко освещал белый шар величиной с футбольный мяч, лежащий на каминной полке на блюдечке. Желтый песик стоял посреди комнаты на ковре и внимательно разглядывал пришедших.

Соломон оглянулся. Свет у входа едва брезжил где-то далеко еле заметным бликом.

Песик подошел к дивану, вскочил на него и стал устраиваться среди подушек. А с дивана спрыгнуло странное существо. Оно походило на сардельку сантиметров пятидесяти длиной, на вид упругую, полупрозрачную, будто наполненную сгустившимся туманом. В нескольких местах в тумане что-то светилось.

Существо, легко отскочив от пола, горизонтально зависло в воздухе напротив Пети и стало тихонечко жужжать, и в такт жужжанию вибрировать выступом, который сформировался посредине тела.

– А вот и хозяин, – сказал Петя. – Как с ним говорить будем?

– Хозяин – я, – сказал песик, – а это мурн. Он домашний. Он вам рад и хочет, чтоб вы ему ушко почесали – вон то, что из него торчит.

Петя с опаской протянул руку и потрогал пальцем выступ на мурне. Мурн зажужжал громче, упал на ковер, отскочил и опять завис в воздухе.

– Присаживайтесь, – продолжал песик, указывая лапой на кресла.

– Мурны – они бывают и дикие, огромных размеров. Древняя скотинка. Они охотились еще на первобытных джиннов, ну и людьми не брезговали. Начнет сгущаться вокруг путника туман в глухом месте. Потом еще гуще, потом еще, а потом туман рассеивается, а на дороге только белые косточки, хоть на витрину.

Соломон опасливо покосился на Мурна.

– Не бойтесь, этот мурн маленький, домашний, вроде вашего кота. Он тут мышей ловит, всякую мелкую живность вдоль лимана, да и то редко.

Петя и Соломон пошли по ковру, как по трясине, с чувством, что этот пружинистый мягкий ковер в любую минуту расступится и засосет куда-нибудь вглубь. Но благополучно прошли к креслам и уселись. Кресла, несмотря на их роскошный вид, оказались твердыми и неудобными. У Пети какой-то гвоздь, торчавший под обивкой, пытался повредить ягодицу.

Как только гости уселись, на том месте, где они стояли раньше, возникла стена, отделившая комнату от остального подвала. Стена была покрыта роскошным гобеленом, изображавшим какого-то царя во славе его, восседающим на золотом троне в окружении придворных. Придворные, видимо, в государе души не чаяли, хотя сами были и в коронах, и в золоте, и в самоцветах.

– Вы думаете, это Соломон в славе своей, – отозвался песик, проследив взгляды своих гостей. – А вот и ничего подобного. Трон действительно Соломона, но на нем восседает Сахр – величайший из джиннов после Иблиса. А справа от трона я, – добавил он скромно. Сразу представлюсь: меня зовут Асаф ибн Саубан ибн Ибрагим ибн Надим из славного рода шайтанов. Иблис тоже из шайтанов. Мы его предпочитаем называть прежним именем Азазель, что значит «Бараноголовый бог»

Увидев скептическое выражение Петиного лица, пес уточнил:
– Форма, содержание – вечная игра в прятки. Инерция мышления, штампы восприятия. Если вам покажут голову быка – вы скажете, что это голова быка.

Соломон кивнул.

– А это может быть голова херувима с ближайшего неба и наоборот. А форма человека самая предательская. За ней может скрываться вообще кто угодно: от ангелов до самой последней сволочи. Вот я ее никогда и не принимаю. Слышали, люди говорят, что им больше нравятся собаки. Но сами они до конца пойти не в состоянии, а я вот пошел.

Во время этого монолога мурн, удобно устроившись одной своей частью у собачьего бока, другой поместился на полу у дивана. Части эти были соединены тонкой перемычкой. Видно было, что содержимое мурна, клубясь, перетекает по этой талии то вверх, то вниз. Мурн вырастил несколько «ушек» под лапой у джинна. Джинн их автоматически поглаживал, отчего существо противно жужжало.

– А кто такой тот великий Сахр? – спросил Петя, пытаясь перевести разговор на другую тему. Негативное отношение джинна к людям было очевидно, а они пришли сюда, не для того чтобы затевать ссору.

– Кто такой Сахр? – задал себе Асаф риторический вопрос. – Для того чтобы ответить, кто такой Сахр, нужно ответить, кто такой Соломон, кто такая Македа, царица Савская, и, наконец, кто такой я! Но раз я все это затеял и призвал вас сюда, придется кое-что рассказать. Только то, что необходимо для выполнения моего плана.

Песик плавным движением удалил с колен мурна.

Асаф

Хотите, я расскажу вам сказку? – вдруг спросил джинн.

– Да, конечно, – с готовностью отозвался Соломон, который любил всяческий фольклор.

Петя поерзал на остром выступе кресла. Это движение его кормы не осталось незамеченным джинном.

– Я вижу, сидеть вам не очень удобно, а рассказ длинный. И вообще, могут подумать, что я плохо принимаю гостей, – добавил джинн и щелкнул пальцами правой лапы.

(Иногда, рассматривая собачью лапу, Петя задавался вопросом: «Как он это сделал?».)

Из-за камина, неслышно скользя по ковру босыми ступнями, выплыли две красавицы. Из непрозрачной одежды на них были только кружевные занавесочки, скрывающие нижнюю часть лица. Вся остальная одежда облаком газа окутывала столь совершенные тела, что Петя подавился на вдохе, да так и не дышал минуты две, самым дурацким образом покраснев лицом. Такой величины и формы груди он не видел даже в эротических фильмах.

Красавицы подошли к гостям, улеглись перед ними на ковер, превратившись в низкие кушетки, покрытые парчовыми накидками.

– Располагайтесь, – пригласил джинн, показав лапой на ложа.

Соломон встал с кресла, обошел софу и улегся на нее, предварительно сняв туфли, с таким видом, как будто всю жизнь диванами ему служили восточные красавицы.

Петя тоже встал с кресла и потрогал диван. Везде одинаково мягкий, только на подушке, кажется, знакомое кружево. Както улегся. Обернувшись, поглядел на свое кресло. Вместо кресел у стены стояли два поломанных старых ящика. У Петиного из верхней крышки торчал предательский гвоздь.

Песик опять щелкнул пальцами. Из-за камина вышли другие две красавицы. Каждая несла маленький столик, на котором красовался поднос с фруктами, орехами и какими-то восточными сладостями на блюдечке. На каждом столике также стоял кувшин тонкой работы и пиала.

Девушки с поклоном поставили столики перед гостями. При этом одна из них так глянула на Петю черными бездонными глазами, что он чуть не потерял сознание. При поклоне идеальная грудь качнулась вперед и назад, увлекая за собой Петину крещеную душу. Петя машинально налил в пиалу из кувшина и выпил залпом что-то сладкое, пряное и довольно крепкое.

– Господа, я вижу, вам понравились мои слуги, но я не хочу, чтобы вы отвлекались от моего рассказа и витали где-то в мечтах

о гуриях, потому вам не мешает познакомиться с ними поближе. Омиер, покажи гостям свое лицо, – приказал джинн.

Красавица повела плечиком, как бы стесняясь, потом отвязала край вуали и отвела ее от лица. На присутствующих уставилась морда старого бульдога в морщинах с отвислой нижней губой и сплюснутым носом. Через губу свисали два желтых клыка. С уголков рта капала слюна.

Петя схватил кувшин и стал пить из горлышка.

«Гурия» повернулась к гостям своими восхитительными ягодицами, вытянула ангельскую ножку и стала толкать пальчиками саламандру, лежащую в камине.

Саламандра зашевелилась, заизвивалась, разбрасывая брызги пламени, и зашипела.

– Посмотри – настоящая саламандра, – сказал восхищенно Соломон, толкая Петю. Петя лежал на диване с закрытыми глазами, отпивая из носика кувшина.

Повинуясь жесту песика, обе красавицы уменьшились и ушли в камин, толкнув напоследок саламандру в бок.

– Петя, прекрати, это неприлично, – зашипел Соломон.

Петя поставил кувшин на столик и осоловевшим взглядом уставился в камин.

– Если вы не против, я хотел бы предложить вам кофе.

Соломону стало неудобно оттого, что Петя тут лежит в позе валика от дивана и не намного от него отличается интеллектуально, а хозяин все это видит. Не так он предполагал начало переговоров.

Соломон еще не успел согласиться, а прямо из узора ковра на полу выскочили два существа, похожие на подстаканнички на длинных тонких ножках. На каждом таком паучке дымилась чашечка черного кофе. Только от одного запаха Петя начал приходить в себя.

Паучки поставили чашечки на столы и, спрыгнув на ковер, спрятались в узор.

– Мне сказали, по какому вопросу вы решили проведать старого одинокого джинна, – сказал песик, после того как гости отпили по маленькому глоточку из чашечек. – Да, я действительно очень стар, даже по меркам джиннов. Ведь джинны живут в среднем

лет по семьсот, а мне более трех тысяч. Возможно, дело в том, что, когда джинн находится в малом объеме в кувшине или бутылке, например...

При этих словах мурн зашкворчал, как гренка на сковороде.

– Вот, ему тоже не нравится. Он был со мной в последнем кувшине. Очень он старый мурн, и со скверным характером. Надо бы его выгнать, да привязался я к нему за последние две с лишним тысячи лет.

Асаф погладил какой-то выступ на мурне, на что тот отреагировал тихим жужжанием.

– Вообще, пока джинн сидит в бутылке, для него время не идет. Мне кажется, это справедливо, – закончил он свою мысль.

– Нам бы так, – заметил Петя.

– А как же с пожизненным? – съехидничал Соломон.

– Все течет, все изменяется: правители, законы, моря. Опять же рыбаки, или амнистия. Впрочем, я отвлекся.

Джинны

– Давным-давно, в незапамятные времена (для вас, конечно) у джиннов с Создателем вышел конфликт. Это то, что вы называете «восстанием ангелов». Только никакие ангелы тогда не восставали. Ангелы не могут восстать по определению – у них своей воли нет. А вот у джиннов есть, и еще какая! Но не это главное. Факт в том, что ангелы нас перебили. Сначала выбили с Луны, а затем Господь решил с нами на земле не сражаться. Окружили они Землю, как написано в Коране, «летающими башнями» и давай выжигать все по площадям огнем. Джинны хоть и созданы из плазмы, но огнем их уничтожить можно. Одни любят холодную плазму, как в ваших лампах дневного света, другие погорячее – вон как та зверюшка в камине.

Мы готовились к войне на Земле, но нас перехитрили.

Азazelь тогда предводительствовал ангельскому воинству, с которым мы сражались в космосе. Его тогда произвели в ангельский чин – вот он и старался. Думал, ему Землю в управление отдадут. А когда было решено все уничтожить, возмутился,

спорить стал. Нашел с кем спорить. Хотя, может, из-за этого наши его опять уважать стали – кроме него, с Создателем спорить никто не осмеливался. Думали – ну все, пропал Азазель. Ан нет. Нескольких ангелов, которые высказали свое мнение, не совпавшее с высочайшим, Всеблагой тут же уничтожил. А между прочим, сам же приказал свое мнение высказать. Ну, думали, конец нашему Азазелю, однако Создатель сам его уничтожить не стал – решил все пустить на самотек. Азазеля из ангелов разжаловал и перед самым мероприятием по уничтожению на Землю отправил. Стал Азазель с тех пор Иблисом. Вот так-то!

– А как же остальные?

– Осталось нас действительно мало, но потихоньку размножились. А к тому времени Создатель продолжал создавать. Вот вас создал. В пику нам, конечно. Мол, следующее мое творение много совершеннее, и давайте все им восхищаться.

Ангелы, понятно, стали восхищаться, а нам не до того было. Создатель своими бомбардировками довел наш народ почти до полной деградации. Некоторые до того озверели, что людей есть стали, чего раньше ни один джинн себе не позволял.

– Раньше людей не было.

– Вот, а тут появились, да еще и в любимых созданиях ходят. И это обидно.

Тогда джинны решили вывести свою породу людей из помеси себя и человека. Гибриды оказались вполне жизнеспособными. Вполне как люди, даже лучше, а на самом деле почти джинны. И все получалось замечательно, пока Создатель этот фокус не раскусил и государства этих народов не уничтожил. Слышали, наверное: Атлантида, Лемурия. Остался, конечно, кое-кто из этих стран, но мало. И тем не менее по свету разбрелись и давай людей уму-разуму учить. У каждого народа есть легенда о том, что появился какой-то пришелец из ниоткуда и всему их научил.

А джинны тем временем поустраивались региональными богами по всей планете. Мы контролировали развитие человечества. Направляли и управляли. И получали от благодарных людей дань и подарки. Жить стало веселее. И главное – люди совсем о Творце забыли. И повели мы человечество по пути знакомому, нами пройденному, а потому с финалом известным.

Но тут Создатель опять оборотил лик свой в нашу сторону. Хотел бы я видеть выражение этого лика, когда он увидел, кто в доме хозяин. Ну, не так чтобы совсем близко. Вообще-то, лучше его не видеть, особенно в такие минуты.

Что тут делать? Опять всех уничтожить? Уже делали. Результат так себе. Уменьшать количество греха на земле путем физического уничтожения грешников – не метод. Так можно и с одними зверюшками остаться. Решил Создатель напомнить людям, кто тут кто.

Выбрал он самый продвинутый народ – египтян. Сообщил жрецам, что вот так-то и так – Бог он един, хоть и во множестве лиц пребывать может. Что Создатель он всего сущего, все остальное – спекуляции джиннов на человеческом невежестве. «Ну, – думаем мы, – всё: потеряли мы Египет». Ан нет. Жрецы это знание за семью замками спрятали, друг дружке на ушко передают. Джинны жиреют, ничего не меняется.

Тогда Создатель выбрал народ, которому терять нечего. Объявил его избранным – и давай совершенствоваться. Возможно, что и назло египтянам. Кто его знает?

– Во, во! Евреи это были.

– Конечно, нам это не понравилось. Не то чтобы урон большой, но прецедент. И решили мы заняться этим народцем вплотную. Для начала решили поставить своего человека царем. Причем так, что мы тут как бы ни при чем.

Если посадить хорошего человека на трон – конец государству. Это все знают. Нашли мы хорошего человека. Скот он пас отменно, кузнечное ремесло знал прилично, но в цари годился, вот как этот мурн. Провели мы спектакль с Голиафом – не подкопашься. Голиаф получил камнем в лоб и умер по всем правилам. Нужно ли говорить, что был он джинном из хорошей семьи и после своей «смерти» прожил еще лет шестьсот?

И вот стал Давид царем, но все у него замечательно, и Создателя славит с еще большим энтузиазмом. Тогда мы приступили ко второй фазе операции.

Из сыновей Давида выбрали самого подходящего. Соломон был умен и хитер. На этот раз мы поставили на ум. «Во многой мудрости много печали», – до этого он потом додумался.

Пишут, что Давид выбрал Соломона за особые таланты. Но во всем мире, когда одиннадцатый сын из семнадцати становится царем, а потом под благовидным предлогом убивает старшего брата, – это называется дворцовый переворот. Этому способствовала мать Соломона – любимая жена Давида, и один из священников.

Мы не зря ставили на ум. Умные окружают себя умными советниками и от этого становятся еще умнее. Дураки же не подпускают к себе никого умнее себя. А так как Соломон был мудр, и джинны служили ему, то главным советником из джиннов был Сахр! Скомпрометировать дурака легко и просто, но и цена победы невысока. От него и так все ждут какой-нибудь дурости. А вот увести Соломона с пути истинного – достойная задача для джиннов. И скажу без ложной скромности: мы с ней справились.

Мы повели Соломона, и он повелся. На богатство, на славу, на женщин, на лесть. И когда он, умнейший из людей, стал строить языческие храмы в честь джиннов, мы праздновали победу. Вы слышали о доходах Соломона? Шестьсот шестьдесят шесть талантов золота ежегодно. Какая там торговля! Джинны с ног сбились, рыская по миру в поисках плохо лежащего золота. Все внушали Соломону, что он велик и могуч. Он так проникся этой мыслью, что послал оскорбительное письмо царице Савской Балкис.

«Придите ко мне предавшимися». Это ж надо так обнаглеть! И это послание царице гораздо более могущественной, чем он сам. И заметьте – она приняла это предложение, а не объявила Иудее войну. Потому что это тоже было частью плана. Умная девочка, хотя частично человек. Джинния она наполовину. Она моя родная племянница. Родного брата Омара дочка от какой-то приличной женщины из Офира. То бишь из Эфиопии, по-вашему. Хорошее образование получила.

Приехала она в Иудею, побеседовала с Соломоном. Задала вопросы умные касательно самых сложных вещей, которые он еще знал. Произвела дивное впечатление, заключила торговые соглашения, родила Соломону сына, да с тем и отбыла.

И тут опять лик Создателя обернулся в нашу сторону. И полетел Соломон с трона, и лишился своего знаменитого перстня.

– А куда же делся перстень?

– А перстень в это время носил Сахр – величайший из джиннов после Иблиса. Носил сорок дней и правил Иудеей в облике Соломона. Пока хозяин перстня юродствовал где-то в задрипанном углу обитаемого мира. Вот вы к нему и сходите. Сделаете доброе дело старому человеку, передадите ему от меня известие. Может, он придумает, как вашу задницу спасти в благодарность.

– Записку? – спросил Петя.

– Нельзя тайные слова доверять бумаге, на словах передадите.

– А нас там не съедят? – забеспокоился Соломон.

– Не съедят, я вам тайный знак поставлю на руку, никто вас тронуть не посмеет! – и пес захихикал противным старческим смехом.

Царица Савская

Три дня во дворце готовились к приезду царицы, и даже могущественные джинны сбились с ног. А в гареме Соломона царил смятение, потому что слухи при дворе опережают события. И ни одна жена не хотела идти на ложе царя, чтобы не сравняться с прекрасной Македой. Ибо слава о красоте царицы была оглушительной. И только старшая жена, которая, по обычаю, не могла быть изгнана, пришла к Соломону. Соломон был поглощен своими мыслями о грядущем приеме и слушал жену вполуха. И она решила, что сейчас самое время влить яду ему в душу.

– О, премудрый муж мой, я слышала о несравненной красоте Балкис, но почему никто никогда не видел ее ног? Ходят слухи, что она джинния, и у нее ноги козы.

Ошарашенный Соломон уставился на жену и вдруг улыбнулся.

– Спасибо, Сарра, – сказал он, – ты подала мне чудесную идею. А теперь иди и скажи остальным, что если я еще раз услышу злое слово или пакость против моей гостьи, то виновную отдам в жены золотарю.

Сарра пулей вылетела из покоев царя, а в гареме установилось глубокое уныние.

Ну и работенку задал Соломон подданным! Десяток джиннов полетели в Сабу с твердым наказом доставить трон царицы

в Иерусалим. Но не тут то было! Джинны царицы не хотели отдавать его ни за что. Кое-как за крупную взятку удалось посмотреть на него и сделать копию. Покои дворца украшались цветами. Со всех концов света доставлялись деликатесы, повара и музыканты. А караван царицы приближался – и даже джинны не успевали сделать все, что задумал Соломон. И тогда Сахр, великий визирь-джинн попросил Соломона выехать навстречу царице, чтобы задержать ее в пути.

Во всей красе и весеннем убранстве встречала царицу земля Иудеи. Цветы персики и миндаль, благоухали маслины, а трава пестрела цветами. На белой кобыле, в шелковых одеждах ехал Соломон в сопровождении свиты навстречу царице. Двое черных слугителей на черных конях обмахивали его опахалами из белых перьев страуса.

Они встретились на лугу среди холмов, где у ручья на привале стоял бело-голубой шатер царицы. Царица вышла из шатра, а Соломон спрыгнул с коня, их глаза встретились, и они поняли друг друга.

– Приветствую тебя, о царица Сабы, на моей земле и желаю тебе долгих лет царствования и мира. Я охотился неподалеку. Какова была твоя дорога?

– Здравствуй и ты, о великий царь Соломон, сын Давида, царь иудейский. Приехала я на твое приглашение. Не часто я получаю столь любезные послания.

Соломон густо покраснел, потому что письмо гласило: «Придите ко мне предавшимися».

Царица улыбалась, глядя на его смущение, а Соломон не мог глаз от нее оторвать. Она была закутана в розовые шелка оттенка цветков миндаля. Шею украшал воротник из жемчугов с изумрудами. На обнаженных руках мерцали золотые браслеты, белый тюрбан скрывал ее волосы.

Огромные черные глаза, правильный маленький нос и полноватые губы отличались красотой от лиц ее придворных дам. Она смеялась и была совсем юной, но когда становилась серьезной – казалось, что она помнит начало времен.

– Ну что ж, интересно посмотреть на мудрость великого царя Соломона. Я путешествовала по своим владениям и решила заехать в гости.

Она взмахнула руками – и вдруг над головами придворных взлетел орел, описывая круги. Соломон хлопнул в ладоши – и взлетела орлица. Орлы закружились в голубом небе, выписывая узоры, а потом, сцепившись когтями, полетели камнем вниз. У самой земли, едва не разбившись между Соломоном и Македой, они расцепились и, взлетев в небо, исчезли в облаках.

И тут на холме появилась свора собак. Тут же перед ними возникла волчица с волчатами и едва не вцепилась вожаку в нос. Она нападала столь яростно, что собаки бросились наутек.

А на смену им вышла стая гиен, омерзительно зловонных и воющих. Из-за холма раздался рев льва, а потом и сам огромный лев вышел из кустов. Завидев льва, гиены бросились врассыпную и тоже исчезли.

Тогда прекрасная Македа пригласила царя в шатер, где был накрыт стол. А вокруг шатра собрались музыканты с барабанами и флейтами, танцоры и танцовщицы. И они танцевали и пели до утра. А царь и царица вместе с придворными вели занимательные беседы и веселились. Утром после завтрака Соломон простился с царицей, и она осталась отдыхать, а Соломон ускакал во дворец готовиться к торжественной встрече.

Продолжение следует

